

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.1>

УДК 811.161.1:9

ББК 81.411.2-03

ТЕРМИНЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ДОГОВОРАХ РУССКИХ С ГРЕКАМИ И РУССКОЙ ПРАВДЕ: К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ¹

Киржаева Вера Петровна

Доктор педагогических наук, кандидат филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
Мордовский государственный университет
kafedrarusyaz@mail.ru
ул. Большевистская, 68, 430005 г. Саранск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические и деривационные связи терминов наследственного права в договорах Руси с Византией и в Русской Правде, а также в получивших распространение с принятием христианства церковнославянских регуляторах права XI–XIV вв. Исследование показало, что терминология наследственного права в договорах включает обозначения наследуемого имущества, завещания и наследников. В Русской Правде и церковнославянских правовых текстах выделяется самостоятельное терминологическое обозначение доли наследства *часть*: для Русской Правды это единственно возможное употребление, в церковных регуляторах отмечается и обозначение им имущества в целом (как в договорах). Не обнаруживается жесткой дистрибуции терминов наследуемого имущества Русской Правды *задница* и *домъ*, используемых и в церковнославянских текстах. Во всех текстах для обозначения завещания использованы дериваты корня **red-*; терминологическое обозначение письменного завещания или процедуры его составления *писати* используется только в договорах и церковных регуляторах права. Во всех текстах для обозначения наследников использованы дериваты корня **bliž-*. Дискуссионное и в аспекте семантики, и в аспекте ресурсов калькирования терминосочетание договора 911 г. *малые / милые ближние / ближники* трактуется в статье не как искусственное образование, созданное переводчиком, а реализация имевшегося в русском языке ресурса устойчивого употребления адъективов *милый / малый* в сочетаниях с терминами родства.

Сделанные наблюдения позволили прийти к выводам о том, что переводная терминология наследственного права договоров не является абсолютно искусственной;

церковнославянская и древнерусская терминосистемы оказываются до определенной степени открытыми для взаимовлияний.

Ключевые слова: язык древнерусского права, церковнославянский регулятор права, юридические тексты средневековой Руси, термины наследственного права, терминосистема.

Договоры русских с греками, привлекаемые нами для анализа связей использованных в них терминов наследственного права с терминами Русской Правды и церковнославянских регуляторов права, часто оказываются вне зоны внимания историков языка, что свидетельствует об актуальности мнения С.П. Обнорского, касающегося договоров, но вполне относящегося и к другим памятникам древнерусского права: среди их исследователей по большей части мы встречаем историков и историков права, также историков русской литературы, и меньше всего видим здесь лингвистов, историков русского языка [6, с. 99].

Междисциплинарный характер изучения древнерусской правовой терминологии определяет наше обращение не только к результатам работ историко-лингвистических, в которых в той или иной мере содержатся характеристики русской правовой терминологии до XVIII в. (Н.Г. Благова, Л.М. Голиков, Н.Н. Лыкова, Л.В. Попова, Е.А. Федорченко, Е.А. Чащина и др.), но и исторических, историко-правовых, культурно-исторических и др. (обзоры исследований см. в: [3; 7]).

В историко-правовой науке вопрос об использовании договоров как источников наследственного права до сих пор остается дискуссионным. Некоторые ученые отрицают возможность отражения ими реальных отношений наследования на Руси (В.Н. Никольский, К.П. Победоносцев, В.И. Сергеевич, П.П. Цитович, В.Е. Рубаник и др.) или, привлекая для анализа, делают существенные оговорки, напр.: «договоры Руси с Византией нельзя считать первыми памятниками права, которыми определялся общий порядок наследования имущества» [9, с. 8]. Их оппоненты видят в договорах этап становления русского закона о наследовании (И.Д. Беляев, С.И. Карпов, Б.А. Коваленко, К.А. Неволин, Н.Н. Ступникова и др.), один «из первых нормативных источников, позволяющих судить о природе наследования, отражающей характер форми-

рования субъективной воли наследователя в средневековой Руси» [5, с. 201].

В историко-лингвистических работах, начиная с Н.А. Лавровского, внимание ученых сосредоточено на характере перевода, соотношении церковнославянизмов и русизмов на всех уровнях языка. Для нас особый интерес представляют оценки переводческой техники, реализуемой в договорах. Так, развивая наблюдения С.П. Обнорского о ее эволюции от преобладающего в раннем договоре калькирования до активного введения в древнерусскую лексическую систему прямых греческих заимствований в договоре 945 г. [6, с. 119, 114], некоторые ученые (М.И. Корнеева-Петрулан, I. Sorlin) высказывали предположение о составлении договора 911 г. русской стороной, а 945 г. – византийской. Я. Малингуди убедительно доказывает, что оба договора составлены византийской стороной на основе византийских правовых норм, но делает существенные замечания: в ряде статей составители, отступая от принципов греческого права, «оговариваются словами “по закону русскому”», в случае соответствия византийского права русскому «не только избирают те элементы их права, которые похожи на русское, но и лексически оформляют соответствующие статьи договоров таким образом, чтобы вызвать у читателя или слушателя впечатление схожести правовых норм русских и греков» [4, с. 63].

Современные историки государства и права также считают главным в технике перевода договоров использование имеющихся в языке русского права терминов. Так, В.А. Томсинов, во-первых, делает вывод о сформированности древнерусской терминологии права («лексика русского языка была в начале X в. достаточно развитой для того, чтобы описать те или иные преступления и наказания, не прибегая к заимствованиям из лексики греческого или каких-либо других иностранных языков»); во-вторых, усматривает юридическую

направленность в деятельности переводчиков, бравших «фактически... на себя функции правоведов» и при отсутствии русского эквивалента греческого термина выбиравших «обыкновенно... в родном языке наиболее близкое по значению к нему слово, которое в результате этого приобретало новый смысловой оттенок» [8, с. 4, 21–22].

Иной подход к истории русского права предложен В.М. Живовым, рассматривавшим ее как историю «русского юридического дуализма», жесткой и последовательной оппозиции русского и церковнославянского права. Оспаривая мнение Ю.В. Шевелева и Б.А. Успенского о практическом отсутствии оппозиции церковнославянского и русского на лексическом уровне и свободном перенесении церковнославянских лексем в русский (некнижный) текст, а русских лексем – в церковнославянский, В.М. Живов подчеркивает «совершенно исключительное положение» юридической терминологии: «В этой области церковнославянские и русские лексемы последовательно противопоставлены, образуя целый набор коррелянтных пар – русские термины не встречаются в церковнославянских юридических текстах, церковнославянские термины не характерны для древнейших русских юридических памятников» [1, с. 193–194]. Однако история наследственного права интерпретируется ученым не столько как оппозиция, а скорее, как взаимодействие в практике светского и церковного суда русского и церковнославянского права, формирование единой нормы «на основе синтеза византийского и местного права в их приложении к новым семейно-имущественным отношениям, возникшим после принятия христианства. Эта норма становится общей для светского и церковного суда, и можно думать, что именно она – на разных этапах своего формирования – отражается в Русской Правде и других русских юридических памятниках» [там же, с. 220].

Каково же соотношение переводных терминообозначений наследования в договорах с терминами Русской Правды, и какое развитие они получают в переводных церковнославянских регуляторах права, в той или иной мере используемых в церковном и светском суде Древней Руси?

Конкретный материал представляют статья 13 договора 911 г.: *О работающих в Греции Руси у хрестьяньскаго цесаря. Аще кто умрет, не уря[ди]в своего имени, ци [и] своих не имать, да възратит имение к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворит обряжение таковыи, възметъ уряженое его, кому будетъ писал наследити имение, да наследит е* (ПРП, с. 9), в которой закрепляется порядок сохранения и передачи имущества умершего в Византии русича его родственникам на Руси; а также статья 4 договора 911 г. об убийстве: *Аще ли убежитъ сотворивыи убийство, аще есть имовит, да часть его, сиречь, иже его будетъ по закону, да възметъ ближнийъ убьенаго* (ПРП, с. 7) и аналогичная статья 13 договора 944 г.: *Аще убьеть Хрестьянин Русина или Русин Хрестьянина, да держимъ будетъ створивыи убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ и. Аще ли ускочитъ створивыи убой [и] аще будетъ имовит, да възмутъ имение его ближнийи убьенаго* (ПРП, с. 33–34), в которых уточняется порядок распределения имущества убийцы. Отметим, что тексты договоров сохранились лишь в составе Повести временных лет и в разных летописных списках содержат варианты выделенных терминов.

Вопросам наследственного права в Русской Правде Пространной редакции посвящены статьи 90–108 (с некоторыми различиями по спискам). Хронологическая адекватность сопоставления их материала с договорами подтверждается выводом А.А. Зимина «о сравнительной архаичности первоначального ядра статей о наследстве», которая проявляется в отсутствии (за исключением ст. 108 в поздней редакции) «штрафов или пошлин, идущих в пользу княжеской казны» (ПРП, с. 178).

Терминообозначения наследственного права в договорах представлены тремя тематическими группами: общее обозначение наследства, обозначение завещания, обозначение наследников.

Общее обозначение наследства передается термином *имение* в терминосочетаниях <не> *урядити имения, възратити имение, наследити имение*. В историко-лексикографических источниках приводится общелекксическое значение слова *имѣникъ* (-ье):

‘имущество’ (Срезн. I, стб. 1094–1095; СРЯ 6, с. 226), ‘имущество, состояние’ (СлДРЯ IV, с. 148–149), причем иллюстративный материал включает и контексты из договоров. М.А. Исаев связывает термин *имение* со сферой имущественного и семейного права – ‘личное или родовое имущество’ (ТСДЮТ, с. 50). Отметим, что вариант *именье*, указывающий на фонетическую русификацию церковнославянизма, меньшую силу «болгарского воздействия» в договоре 945 г., чем в договоре 912 г. [6, с. 115], использован, например, и в Рязанской Кормчей 1284 г.: *имѣнья движимаа и недвижимаа полагаати в залогъ* (СлДРЯ IV, с. 149).

В контексте статьи 4 договора 911 г.: *аще есть имовит, да часть его, сиречь, иже его будетъ по закону, да возметъ ближний убьенаго* (ПРП, с. 7) слово *часть* в общелексическом значении ‘собственность, имущество’ (Срезн. III, стб. 1478) терминологизируется и становится обозначением наследства. Этимологи считают **čestь* славянским новообразованием, для которого полные лексемные соответствия за пределами славянских языков неизвестны, а одним из формирующихся синонимов становится слав. **doľa*; в качестве конкретной первоосновы более общего значения ‘часть, доля’ предполагается слвц. *časť* ‘одновременно выданное количество корму’ (ЭССЯ 4, с. 107–108).

В Русской Правде нет единого термина для обозначения наследства; в разных списках используются разные деривационно не соотносящиеся термины. Основным является термин *задница*, например, в статье 91: *Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не идетъ*; в статье 93: *Аже жена сядетъ по мужи, <...> а задница ей мужья не надобе*; в статье 95: *Аже будетъ сестра в дому, то той заднице не имати* (ПРП, с. 118). В лексикографических источниках этот термин толкуется как ‘наследство; *legatum*’ (Срезн. I, стб. 910), ‘наследство, спор о наследстве’ (СлДРЯ III, с. 300), ‘наследуемое имущество, наследство’ (ТСДЮТ, с. 43). Доминирование этого термина в памятнике проявляется и в употреблении его деривата *беззадница* / *бѣзадница*: в списках Пушкинской группы – *О безадници*. *Аще в боярстѣи дружине, то за княза задницаа не идетъ и*

О бѣзадницѣ. *Аже будутъ робыи дѣти у мужа, то задницѣ не имати им, но свобода имъ с матерью* (ПР I, с. 290, 313) с конкретизирующим значением ‘выморочное имущество’ (ТСДЮТ, с. 16; СлДРЯ I, с. 118).

В списках Музейского вида регулярны замены данного термина терминами *статокъ*, *състатокъ* / *сстатокъ* / *состатокъ*, *останокъ*, *остатокъ*, которые толкуются как ‘имущество, нажитые ценности; имущество, оставшееся после умершего, наследство’ (СРЯ 28, с. 29–30; 27, с. 169; 13, с. 144–145, 149); ‘остаток кого-л., чего-л.; оставшееся имущество’ (СлДРЯ VI, с. 183–184); ‘имущество; наследство’ (Срезн. III, стб. 509); ‘достаток, состояние’ (ТСДЮТ, с. 103).

Термин *добытокъ*, использующийся в статье 101 (*Аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряетъ добытокъ и поидеть за мужь, то платити ей все детем*) приводятся в словарях со значениями ‘приобретение, прибыль, доход; имущество, достояние’ (СлДРЯ III, с. 26–27); ‘имущество, имение; добыча’ (Срезн. I, стб. 685).

Термин *товаръ* в статье 99 об опекунстве: *Аже будутъ в дому дети мали, <...> а товаръ дати передъ людми; а что срезитъ товаромъ темъ ли пригоститъ, то то ему себе, а истый товаръ воротитъ им* (ПР I, с. 132) историками права и комментаторами Русской Правды толкуется как ‘имение, добро’ (ПР II, с. 659–664); ‘имущество опекаемых, получаемое опекуном при свидетелях’ (ПРП, с. 182). В общелексическом употреблении слово многозначно: ‘стан; обоз; имущество, добро’ (Срезн. III, стб. 969–970). П.Я. Черных, предполагая возможность раннего его заимствования с Востока или из древнетюркских языков Северного Причерноморья, считает старшим значением на восточнославянской почве ‘стан; лагерь’, а для статьи Русской Правды предполагает значения ‘имущество’ и ‘деньги’ (Черных II, с. 247).

Слово *дворъ* в общелексическом значении ‘жилище, дом, усадьба’ (Срезн. I, стб. 642–644); ‘место с домом и хозяйственными постройками, усадьба; отдельное хозяйство’ (СлДРЯ II, с. 447–448) в статье 100: *А дворъ безъ дела отень всякъ меншему сынови* (ПР I, с. 132) получает терминологическое значение минората, «привилегии младшего сына перед

старшими» в наследовании родительского дома (ПР II, с. 665).

Общелексическая многозначность свойственна и слову *домъ* ‘жилище, здание; хозяйство, домашнее устройство; род; имение, имущество’ (Срезн. I, стб. 699–700); ‘домашнее устройство, хозяйство; хозяйственная единица’ (СлДРЯ III, с. 230), однако в контексте статьи 92: *Аже кто умирая разделить дом свои детям, на том же стояти* (ПРП, с. 117) очевидно терминологическое употребление в значении ‘имущество, наследство’. Как уточняет в комментарии к статье А.А. Зимин, «“дом” в данном случае означает имущество вообще, а не усадьбу, которая именуется в Пространной Правде “двором”» (ПРП, с. 180).

Таким образом, обозначения имущества как предмета наследования приобретают терминологическое значение в юридическом контексте Русской Правды, сохраняя, однако, в ином употреблении общелексические значения.

Отсутствие жесткой дистрибуции терминов *задница* и *домъ* проявляется в их использовании в текстах церковнославянского права, напр., в Мериле Праведном *аще ли законная часть ксть яко до четвера дѣтии гюю часть задницѣ*; в Законе Судном людем *аще ксть поручникъ ѿ собѣ самъ сѣ творѣ приимъ строя домъ оумршаго ти что погубить то возьметъ на судищи казнъ* (СлДРЯ III, с. 300, 230).

Если В.М. Живов, говоря о дистрибуции терминов наследования, сосредоточивался на определении первичного термина, каковым и становится *домъ* («древнейший русский термин для обозначения имущества (движимого и недвижимого)» [1, с. 196]), то П.П. Цитович дифференцирует не общую семантику терминов наследования, а характер номинации одного и того же понятия: «*дом* и *задница* выражают только различные стороны одного и того же понятия – имущества умершего, имущества как целого, *universitas*. Это имущество, эта целостность со стороны своей принадлежности покойному при его жизни, называется “домом” <...>. Но то же самое имущество <...> со стороны возможности достаться другим через посредство наследования, представляется как нечто оставленное, покинутое позади себя умершим, и поэтому

называется *задницей, остатком, статком*» [11, с. 56–57].

Доля наследства в Русской Правде обозначена термином *часть*, например, в статье 90: *аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будутъ за мужемъ, то не дати им части*; в статье 92: *паки ли без ряду умереть, то всемъ детям, а на самого часть дати души*; в статье 93: *Аже жена сядетъ по мужи, то на ню часть дати* (ПР I, с. 132). А.А. Зимин подчеркивает, что статья 93 «резко различает “задницу”, основное наследуемое имущество, от “части”, выдела известных средств, шедших жене или дочерям (ст. 90) или на помин души (ст. 92)» (ПРП, с. 181).

Как самостоятельное терминовое обозначение доли наследства существительное *часть* характерно и для церковнославянских текстов, например, в Уставе Студийском: *чьстньныхъ же мужии юлико ихъ приходѣще часть своко притѣжания движимаго и недвижимаго обрадѣть своимъ любленикъмъ* (СлДРЯ V, с. 549). Однако если в Русской Правде термин употребляется только в этом значении, то в церковнославянских текстах и для общего обозначения имущества, например, в Законе Судном людем: *да аще хоцетъ дарити ѿ(т) своя части ... то дарить. достоиню частью. юже нарѣчетсѣ польдъму. на полу бо дому дасть юму судъ власти* (СлДРЯ III, с. 50).

Как показывает анализ, наиболее продуктивны в обозначении завещания дериваты корня **red-*. Так, в договоре 911 г. терминологическое значение процесса оформления завещания имеет глагол *урядити* <именье> ‘устроить, учредить, уладить, распорядиться чем-либо перед смертью, завещать и др.’ (Срезн. III, стб. 1262); ‘распорядиться своим имуществом’ (ТСДЮТ, с. 50); терминовое обозначением оформленного наследства является субстантивированное причастие *возьметъ уряженое его*; непосредственным обозначением завещания – *обряжение* ‘завещание’ (Срезн. II, стб. 556); ‘завещание, сделанное в устной форме при свидетелях’ (ТСДЮТ, с. 65). Закономерность этих деривационных связей вытекает из глубокого архаизма юридических терминов *ряд*, *рядить*, *орудие*, отсылающего «к мифопоэтической концепции универсаль-

ного закона», к одному «из самых кардинальных действий по устройению мира, во всех его аспектах» [2, с. 232]. Как следствие, возникает полисемия слова *рядъ*, реализующего и общелекксические, и специальные – правовые – значения: ‘строй’, ‘строка’, ‘поселок’, ‘порядок’, ‘черед’, ‘постепенность’, ‘чин’, ‘разряд’, ‘управление’, ‘благоустройство’, ‘устав, правило’, ‘раскладка’, ‘распоряжение, завещание’, ‘дело’, ‘суд’, ‘судебный приговор’, ‘переговоры’, ‘договор’, ‘уговор’, ‘работа’, ‘назначение’, ‘наследие’, ‘естество, природа’ и др.’ (Срезн. III, стб. 231–235).

Кроме терминообозначения устного оформления завещания *урядити именье*, в договоре использован термин <кому> *писати* <наследити именье>, толкуемый не только как ‘завещать’ (СлДРЯ VI, с. 395), но и как ‘сделать письменное завещание’ (Срезн. II, стб. 936). Аналогично в Рязанской Кормчей 1282 г.: *аще и ино внѣшнее лице... напишетъ наслѣдника; п(с)нѣ еретикомъ или кѣлиномъ наслѣдик пиша да будетъ проклатъ* (СлДРЯ V, с. 196, 395).

Русская Правда знает только устный вид завещания, передаваемый термином *рядъ* (в статье 92: *наки ли безъ ряду умреть, то всемъ детям* и в статье 99: *аче же и отчимъ приметь дети с задницею, то тако же есть рядъ*) и терминосочетанием <умреть> *безъ языка* (в статье 103: *А матерня часть не надобе детям <...> безъ языка ли умреть, то у кого будетъ на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти*); в списке Музейского вида используется и термин-глагол для обозначения процедуры завещания: *аще же и отчимъ приметъ дѣти тѣ съ статкомъ, и то такоже есть рядъ, яко же ся рядилъ* (ПР I, с. 387).

Группу обозначений наследников в договорах составляют термины родства *свои*, *близьнии*, *малые / милые ближники*, а также описательная конструкция *кому будетъ писал наследити именье, да наследитъ*, в которой семантической доминантой становится глагольный термин *наследити* <именье> ‘получить в наследство’ (Срезн. II, стб. 333; СлДРЯ V, с. 195), этимологически определяемый как церковнославянизм, восходящий к *κῆνομετν*, *hereditare* ‘наследовать, получить в наследство’ (ЭССЯ 23, с. 50).

Термин родства *свои* ‘родной, родственник’ (Срезн. III, стб. 283–284), ‘близкий, родственник, соплеменник и т. п.’ (СРЯ 23, с. 190) используется и для обозначения наследников. Причем, выводы О.Н. Трубачева указывают на недостаточную обоснованность мнения историков права, дифференцирующих для ранних эпох степень близости свойственного (брачного) и кровного родства: «наличие местоименного корня **сѣ-* / **сѣо-* органически связывает термины свойства с древним термином кровного родства и.-е. **сѣesor*, слав. *sestra*. <...> Выходит, что очень широкая группа родственников, начиная от кровной сестры и кончая весьма далекими родственниками жены, назывались ‘своими’» [10, с. 90].

Прилагательное *близьнии* (прасл. **blizъnъ(jь)*) является производным с суффиксом *-ьн-* от формы сравнительной степени **blize*. Этимологи, указывая на вторичность формы на *-z-*, считают значение ‘близкий, близкий человек’, ‘человек в отношении к другим людям’ бесспорной семантической калькой с греч. *πλῆσιος*, а их славянские соответствия, в т. ч. русское, книжными элементами лексики (ЭССЯ 2, с. 124). В статьях договоров 911 г. *да возметь близьний убьенаго* и 944 г. *да возьмутъ именье его близьнии убьенаго* прилагательное получает значение ‘родной, близкий; родственник’ как наследник имущества (СлДРЯ III, с. 230; Срезн. I, стб. 114).

Анализ терминосочетания договора 911 г. *малые / милые близьние / ближники / близьники*, дискуссионного и в аспекте семантики: см. взаимоисключающие толкования *малыи ближники* ‘дальние родственники’ (СРЯ 9, с. 22–23); *близьник* – «ближайший родственник, как правило, наследник первой очереди. См. выражение “близьники малые”» (ТСДЮТ, с. 17), и в аспекте ресурсов калькирования, указывает на то, что термин-гапакс не только Повести временных лет, но и всего корпуса древнерусских текстов, цитируемых в лексикографических источниках, имеет варианты *малые / милые близьние / ближники*, при этом вариант *близьники* представляет позднее образование. Как представляется, независимо от варианта адъектива оба термина с большой долей вероятности имеют общее значение ‘ближайшие родственники’.

Судя по употреблению компонентов *малый / милый* в сочетании с терминами родства в древнерусских текстах, не находит подтверждения мнение о семантической «пустоте» адъектива в составе исследуемых терминосочетаний; это едва ли искусственные образования, созданные переводчиком (см. подробнее [11]). Вероятно, реализован уже имевшийся в языке ресурс – устойчивое употребление адъективов *милый* и *малый* (о возможности синонимии *мил*о ‘близкий, родной’ и *малая чадь* ‘жены и малолетние дети’ см: СлДРЯ IV, с. 534; СРЯ 9, с. 22–23) в сочетаниях с терминами родства *милъ(-ый), -а(-ая) сынъ, братъ, отецъ, дочь* и *малая чадь*, отраженное в различных памятниках письменности и фольклорных источниках. Косвенным указанием на русские терминологические ресурсы в договорах становится церковнославянский вариант *свои люблении* в Уставе Студийском: *чьстьныхъ же мужии кѣико ихъ приходѣще чьсть своѣго прѣлжѣния движимаго и недвижимаго обрѣдѣть своимъ люблениемъ* (СлДРЯ V, с. 549).

В Русской Правде для обозначения наследников зафиксированы термины родства *разделить дом свои детем, на жену будетъ възложил, но оже не будетъ сынов, а дче-ри возмутъ* или описательные конструкции с этими терминами *меншему сынови; двою мужю дети, а одиное матери*.

Деривационно связанным с термином договоров *ближнии* является терминосочетание опекунов несовершеннолетних детей в статье 99: *кто им ближии будетъ, тому же дати на руке и с добыткомъ и с домомъ, донеле же возмутъ* (ПР I, с. 132), имеющее в разных списках варианты *ближ-ни / ближнии / ближеи / ближники / ближе будетъ*. А.А. Зимин относит содержание статьи к славянской правовой архаике именно на том основании, что в ней «признается особая роль “ближних” (т. е. ближайших родичей) в качестве опекунов малолетних детей, а не их матери», и отсылает к прецедентному тексту: «ср. о “малых ближиках” в договоре 911 г. Руси с Византией» (ПРП, с. 182). Соответствия обнаруживаются и в церковнославянском законодательстве, напр., *сродницы призываются в наслѣдѣе иже степень убо ближе* (Кормчая Рязанская);

яко не достоитъ еп(с)пу брату ли снови ли иному ближииѣ (Кормчая Ефремовская), *ли не будетъ братья ближнии наслѣдуютъ ли ни ближникъ будетъ есть же жена умершаго* (Мерило Праведное) (СлДРЯ III, с. 229, 230).

Итак, соответствия в употреблении и деривации терминов наследственного права в договорах Руси с Византией и Русской Правде, использование ресурсов обеих систем в церковнославянских правовых текстах XI–XIV вв. указывают на определенное взаимодействие этих систем. Точно так же, как «переложение греческой Эклоги на церковнославянский язык и включение ее в поле русской духовной культуры сопровождалось некоторыми изменениями не только в структуре данного правового памятника, но и в его содержании» [8, с. 25], в терминосистему церковнославянских правовых памятников включались некоторые термины Русской Правды, а в переводе некоторых терминов наследственного права договоров отражались ресурсы языка русского права.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00366 «Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: Опыт комплексного словаря-справочника»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живов, В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема / В. М. Живов // Живов, В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Яз. слав. культуры, 2002. – С. 187–290.
2. Иванов, Вяч. Вс. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1975. – С. 211–240.
3. Киржаева, В. П. Историческая терминология русского языка как предмет междисциплинарной разработки / В. П. Киржаева // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к словарю-справочнику. – Вып. 1. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2014. – С. 6–14.
4. Малингуди, Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров X в. / Я. Малин-

гуди // Славяне и их соседи. – Вып. 6. – М. : Индрик, 1996. – С. 61–68.

5. Момотов, В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В. В. Момотов. – М. : Зерцало-М, 2003. – 416 с.

6. Обнорский, С. П. Язык договоров русских с греками / С. П. Обнорский // Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку. – М. : Просвещение, 1960. – С. 99–119.

7. Осовский, О. Е. Древнерусский юридический текст в лингвистических и смежных гуманитарных исследованиях последних десятилетий / О. Е. Осовский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1 (31), ч. 2. – С. 146–150.

8. Томсинов, В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2009. – № 4. – С. 3–26.

9. Трифонов, С. Г. Правовое регулирование отношений наследования в Юго-Западной Руси: X–XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Трифонов Сергей Геннадиевич. – М., 2009. – 22 с.

10. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 212 с.

11. Цитович, П. П. Исходные моменты в истории русского права наследования / П. П. Цитович. – Харьков : Унив. тип., 1870. – 173 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ПР I – Правда Русская. В 2 т. Т. 1. Тексты. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 506 с.

ПР II – Правда Русская. В 2 т. Т. 2. Комментарии. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 862 с.

ПРП – Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства / сост. А. А. Зимин. – М. : Госюриздат, 1952. – 287 с.

СлДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. 1–10. – М. : Рус. яз., 1988–2013.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Госиздат, 1958.

СРЯ – Словарь русского языка (XI–XVII вв.). – Вып. 1–29. – М. : Наука, 1975–2011.

ТСДЮТ – Исаев, М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М. А. Исаев. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.

Черных – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 2001.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. – Вып. 1–38. – М. : Наука, 1974–2012.

REFERENCES

1. Zhivov V.M. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema [The History of Russian Law as Linguosemiotic Problem]. Zhivov V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kultury* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2002, pp. 187-290.

2. Ivanov Vyach.Vs., Toporov V.N. O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskolkikh klyuchevykh terminov) [On the Language of Ancient Slavic Law (to the Analysis of Several Key Terms)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyy syezd slavistov* [Slavic Linguistics. 8th International Congress of Slavists]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 211-240.

3. Kirzhaeva V.P. Istoricheskaya terminografiya russkogo yazyka kak predmet mezhdistsiplinarnoy razrabotki [Historical Terminography of Russian Language as a Subject of Interdisciplinary Development]. *Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI-XVII vekov: materialy k slovaryspravochniku. Yyp. 1* [Legal Vocabulary of the Russian Language of 11-17th Centuries: Materials for the Reference Dictionary. Iss. 1]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo universiteta, 2014, pp. 6-14.

4. Malingudi Ya. Terminologicheskaya leksika russko-vizantiyskikh dogovorov X v. [Terminological Lexicon of Russian-Byzantine Treaties of 10th Century]. *Slavyane i ikh sosedi. Yyp. 6* [Slavs and their Neighbors. Iss. 6]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 61-68.

5. Momotov V.V. *Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX-XIV vv.* [Formation of Russian Medieval Law in 9-14th Centuries]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2003. 416 p.

6. Obnorskiy S.P. Yazyk dogovorov russkikh s grekami [The Language of Russia-Byzantium Treaties]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1960, pp. 99-119.

7. Osovskiy O.E. Drevnerusskiy yuridicheskiy tekst v lingvisticheskikh i smezhnykh gumanitarnykh issledovaniyakh poslednikh desyatiletiiy [Old Russian Legal Text in Linguistic and Related Humanitarian Studies of Recent Decades]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 1 (31), part 2, pp. 146-150.

8. Tomsinov V.A. Yurisprudentsiya Drevney Rusi i pravovaya kultura Vizantii [Law of Ancient Russia and Legal Culture of Byzantium]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo*, 2009, no. 4, pp. 3-26.

9. Trifonov S.G. *Pravovoe regulirovanie otnosheniy nasledovaniya v Yugo-Zapadnoy Rusi: X-XVIII vv. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal

Regulation of Inheritance in South – South-West Russia: 10–18 c. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2009. 22 p.

10. Trubachev O.N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of Slavic Kinship Terms, and Some Ancient Terms of the Social System]. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 212 p.

11. Tsitovich P.P. *Iskhodnye momenty v istorii russkogo prava nasledovaniya* [The Starting Points in the History of Russian Inheritance Law]. Harkov, Universitet Publ., 1870. 173 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Pravda Russkaya. V 2 t. T. 1. Teksty [Pravda Russkaya. In 2 vols. Vol. 1. Texts]. Moscow, Leningrag, AN SSSR Publ., 1947. 506 p.

Pravda Russkaya. V 2 t. T. 2. Kommentarii [Pravda Russkaya. In 2 vols. Vol. 2. Comments]. Moscow, Leningrag, AN SSSR Publ., 1947. 862 p.

Zimin A.A., ed. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1. Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva* [Monuments of Russian Law. Iss. 1. The Monuments of the Kiev State Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1952. 287 p.

Slovar drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.). T. I-X [Old Russian Dictionary (6-14th Centuries). Vol. I-X]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988-2013.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. V 3 t.* [Materials for the Dictionary of Old Russian Language. In 3 vols.]. Moscow, Gosizdat Publ., 1958.

Slovar russkogo yazyka (XI-XVII vv.). Vyp. 1-29 [Dictionary of Russian Language (11-17th Centuries). Iss. 1-29]. Moscow, Nauka Publ., 1975-2011.

Isaev M.A. *Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiyey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva* [Explanatory Dictionary of Ancient Russian Legal Terms: From Contracts With the Byzantine Empire to the Charters of the Moscow State University]. Moscow, Spark Publ., 2001. 119 p.

Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language. In 2 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001.

Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Vyp. 1-38 [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund. Iss. 1-38.]. Moscow, Nauka Publ., 1974-2012.

THE TERMS OF INHERITANCE LAW IN RUSSIA-BYZANTIUM TREATIES AND RUSSKAYA PRAVDA: THE PROBLEMS OF FUNCTIONAL SEMANTICS AND DERIVATION RELATIONS

Kirzhaeva Vera Petrovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language,
Mordovia State University
kafedrarusyaz@mail.ru
Bolshevistskaya St., 68, 430005 Saransk, Russian Federation

Abstract. The article deals with the functional-and-semantic and derivational relations of the inheritance law terms in the Russia-Byzantium treaties and in Russkaya Pravda Legal Code as well as in the wide-spread Church Slavonic law regulators that appeared in Rus after adoption of Christianity. The research results attest that the inheritance law terminology in treaties includes designation of inheritance, will and heirs. There is a special term *chast* ('part') that denotes a share of inheritance in the Russkaya Pravda and Church Slavonic legal texts. However, *chast* as a 'part' (share) is a characteristic of the Russkaya Pravda legal texts only. In Church Slavonic it is used in treaties for nominating the property in general. A similar lack of strict distribution between inheritance law terms *zadnitsa* and *dom*, presented in Old Russian texts, was noted in Church Slavonic treaties. Various derivatives of the root **ređ-* are used to denote the will in all texts under analysis; the terms *pisati* employed only in treaties and church law regulators to denote a written will or procedures of its preparation. The derivatives of the root **bliz-* nominate the heirs in both text systems. A loan translation of the terminological

word group *malye / milye blizhnie / blizhiki* dated to the year 911 is not viewed as a translators' experiment with the Greek terms, because it reflects a steady lexical distribution of adjectives *malye / milye* and the terms of relations in the Russian language.

The results of the study testify some inheritance law terms correlation between Russia-Byzantium treaties, *Russkaya Pravda* and Church Slavonic legal texts, their translation in the treaties was not entirely artificial. The Church Slavonic and Old Russian terminological systems were open to these interferences in some ways.

Key words: Old Russian law language, Church Slavonic regulator of the right, Medieval Russia legal texts, the inheritance law terms, terminological system.